

СЛАВЯНЕ В ПОДУНАВЬЕ И НА БАЛКАНАХ В VI—VIII вв.
(ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Славянская колонизация придунайско-балканских владений Византии в VI—VIII вв. н. э. является одним из главных моментов так называемого великого переселения народов, имевшим огромное значение для развития Восточной Европы. Это был один из наиболее важных факторов, обусловивших переход византийского общества, с одной стороны, от окончательно изжившей себя и разложившейся рабовладельческой системы к прогрессивному в то время феодальному строю. С другой стороны, результатом массового движения славян в пределы империи, на земли, расползшиеся к югу Дуная, была кардинальная трансформация этнической карты Юго-Восточной Европы — формирование болгарского, сербского, словинского, хорватского, македонского и прочих югославянских народов.

Начало славянской колонизации балканских земель, хронологически совпавшей с так называемыми Балканскими войнами VI—VII вв., отнюдь не было началом славянского расселения вообще. Процесс этот начался гораздо раньше и к VI в. успел пройти несколько фаз. Но лишь с переходом славянских отрядов через Дунай он привлек внимание современных ему греческих писателей. О славяно-византийских отношениях VI—VIII вв. писали все более или менее значительные историки того времени: Прокопий Кесарийский, Агатиий Миринейский, Менандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Иоанн Эфесский, авторы «Чудес св. Димитрия» (памятник, дошедший до нас в двух разновременных редакциях), Маврикий Стратег, Феофан, патриарх Никифор и др. Их свидетельства позволяют восстановить довольно полную и выразительную картину как самих Балканских войн, так и славянской колонизации византийских земель.

Этим событиям посвящена огромная литература, в которой суммирован и достаточно глубоко интерпретирован имеющийся материал, хотя и сейчас преждевременно утверждать, что данная тема полностью исчерпана. Бесспорным пробелом является отсутствие основательного обобщающего труда, подобного исследованию М. В. Левченко, где рассматривается история славяно-византийских отношений в IX—XII вв.¹

Первой проблемой, которая встает перед исследователем, является вопрос о причинах, вызвавших расселение славян за пределы первоначальной славянской ойкумены. В общем плане эти причины в настоящее время не вызывают дискуссий: их природа кроется, конечно, не в политической (и тем более не в идеологической) области, а в сфере экономики. Однако и не в условиях производ-

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений М., 1956.

ства, понимаемых в узком смысле. В основе процесса расселения лежали демографические закономерности эпохи, переходной от первобытно-общинного строя к феодализму.

К сожалению, в нашей литературе в течение длительного времени демографическим аспектам экономических разработок почти не уделялось внимания. В частности, это касается древнейших эпох мировой истории, лишенных статистических источников.

В настоящее время намечается известный сдвиг. Палеоэкономические работы С. Н. Бибикова² сыграли заметную роль в историко-социальной интерпретации каменного века, но что касается более поздних эпох, то здесь исследования до сих пор не вышли за рамки более или менее смелых рекогносцировок. Виною этому — отсутствие надежных методов, способных дать в руки ученого количественные данные, хотя бы в рамках определения порядка искомых величин.

Между тем, проблема расселения племен в основе своей является демографической. Сколь бы ни казались важными внешние факторы, не они определяют процесс в каждом конкретном случае. Движущей силой, заставляющей огромные людские массивы сниматься с обжитых земель, всегда является давление избыточного населения на развитие производительных сил³. Иными словами — разрыв между количеством рабочих рук с одной стороны, и средств производства — с другой. В общепhilosophическом плане это вполне понятно и не требует специальных разъяснений. Проблема сводится к трудности количественных определений при отсутствии надежных статистических выкладок.

Начало славянского расселения приходится на рубеж нашей эры (эпоха зарубинецкой культуры). Внешним выражением этого процесса выступает продвижение части зарубинецкого населения на юг, в область Нижнего Поднепровья и Причерноморья, и на север — в область Верхнего Поднепровья, Подесенья и Верхней Оки. Начиная от III в (период так называемых готских войн) экспансия восточноевропейских племен (среди которых были и славяне) на юг и юго-запад убедительно отражена в письменных источниках. Археологическими следами славянского расселения в этот период (III—V вв.) является распространение памятников черняховской культуры в область Южного Прикарпатья (земли между Карпатами и Дунаем), степного Причерноморья, северо-восточного Левобережья Днепра. Расселение оседлых лесостепных племен в это время приобретает, по-видимому, массовый характер.

В 1964 г. нами было предложено демографическое обоснование наблюдаемой археологами и в целом бесспорной картины⁴. Суш-

² Бибилов С. Н. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии.— Тез. докл. Всесоюзной сес., посвященной итогам археол. и этнограф. исследований 1966 г. Кишинев, 1967; Бибилов С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита.— СА, 1969, № 4 и др.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 567—568.

⁴ Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності. К., 1964, с. 17—27.

ность гипотезы заключалась в следующем. Ко II—III вв. н. э. (время формирования черняховской, то есть анто-склавинской группы племен) плотность населения в основных районах восточноевропейской Лесостепи достигла цифры около 10 человек на 1 км². Расчеты основывались на весьма приблизительных данных о густоте размещения черняховских поселений и их усредненных размерах. Заметим, что эта же цифра получена для территории Южной Польши⁵. Так же оценивал плотность населения Германии в первые века новой эры Ф. Энгельс, исходя из письменных источников⁶.

Мы считаем названную плотность критической для конца первобытной эпохи. При таких условиях на семью из шести человек приходится статистический (то есть идеальный) участок земли, который эта семья в состоянии обработать собственными силами с помощью технических средств, имевшихся в распоряжении тогдашнего земледельца. Это значит, что фонд свободных земель был уже исчерпан и дальнейший рост народонаселения (а соответственно — уменьшение среднего надела) неизбежно приводил бы к конфликту между количеством рабочих рук и наличным фондом реальных средств производства. В результате возникала и все более возрастала масса избыточного населения, не находившего достаточного применения своему трудовому потенциалу. Перед обществом стояли две альтернативы (кстати, отнюдь не исключавшие друг друга); либо обезземеливание части общинников со всеми вытекающими отсюда последствиями, либо же уход избыточного населения куда-то на сторону.

После опубликования данной гипотезы проблема, к сожалению, не получила дальнейшей разработки. В 1972 г. И. С. Винокур сделал попытку пересмотреть наши расчеты в сторону снижения демографической квоты, уменьшив оценку плотности черняховского населения ровно вдвое (5 человек на 1 км²)⁷. Однако убедительных соображений в пользу этого пересмотра представлено не было⁸. Полагаем, что предложенные в 1964 г. расчеты покуда остаются в силе. Более того, новейшие данные, полученные в результате исследований последних лет, дают основание считать, что в опубликованных расчетах усредненные размеры черняховских поселений (около 20 жилищ в среднем) были существенно занижены.

С учетом демографических закономерностей эпохи, расселение славян, в том числе в Подунавье и на Балканах, теряет ореол таинственности и превращается в закономерное явление, продиктованное реальными факторами социально-экономического порядка.

⁵ Там же.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 145—146.

⁷ Винокур И. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя. К., 1972, с. 38—41.

⁸ Симонович Е. А. Рец.: І. С. Винокур. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя.— СА, 1975, № 4, с. 300.

Движение славян в Подунайские земли началось в III в. н. э. в связи с готскими войнами, то есть широким движением северо-причерноморских племен в недавно завоеванную римлянами Даклию. Завершилось оно в VIII ст. тотальной славянизацией северной части Балканского полуострова и возникновением обширных славянских колоний на Пелопонесе и в Передней Азии⁹. В настоящей статье мы ограничиваемся лишь кратким изложением общих итогов рассмотрения данной проблемы.

Расселение славян в области Подунавья и Балкан прошло три этапа. Первый хронологически охватывает период готских войн и последующее время (III—V вв.). Тогда славяне заселили земли Дунайского Левобережья (между средним и нижним течением реки и Карпатским хребтом). Территория нынешней Молдовы и низовьев Дуная входила в область формирования черняховской культуры; поэтому памятники данного типа здесь отражают аборигенную линию культурного развития. Совсем иную ситуацию видим на территории Мунтении, Олтении, Трансильвании. Здесь памятники черняховского типа наслаиваются на местную культуру гето-дакийских племен и сосуществуют с нею. Здесь открыты «чистые» черняховские могильники, которым отвечают сложные по составу поселения, где материалы черняховского типа соседствуют с материалами, отражающими местную археологическую традицию.

В этот ранний период славяне выступают в качестве не самостоятельной политической силы, а одного из компонентов сложного по составу конгломерата племен. Соответственно этому письменные источники III—V вв. (Дексипп, авторы «Истории августов» Юлий Капитолин и Требеллий Поллион, Филосторгий, Аммиан Марцеллин, Зосим и др.) еще не знают славян, как особого народа, а предпочитают говорить о причерноморских племенах совокупно, называя их сборными именами «готов» или «скифов» — без различия происхождения и этнической принадлежности¹⁰.

Первый этап славянского продвижения на юг оканчивается, по-видимому, около V в., что связано с нашествием гуннов и падением Римской империи. На какое-то время наступает затишье. Ликвидация Готского политического объединения в результате гуннской экспансии благотворно сказалась на состоянии Антского политического союза. Теперь восточные славяне оказались в положении единственной значительной политической силы в Восточной Европе. Им не могла противостоять даже Восточноримская империя, избежавшая социальной катастрофы.

Второй этап в развитии славянской экспансии в Подунавье и на Балканы начинается в первой половине VI в. (по-видимому, в 20-е годы столетия) и охватывает вторую четверть VI в. — первую часть правления Юстиниана I. Это время систематических, почти

⁹ *Брайчевский М. Ю.* К истории расселения славян на византийских землях. — ВВ, 1961, т. 19, с. 120—137.

¹⁰ *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954.

ежегодных экспедиций, осуществляемых антами и склавинами в область Дунайского Правобережья. Они сопровождались захватом значительных материальных ценностей и большого количества военнопленных, обрабатываемых в рабов.

Занятая упорной вооруженной борьбой в Италии, Иране, Северной Африке, Византия не в состоянии противостоять этому натиску, в результате чего северобалканские владения империи подвергаются основательному опустошению. Верная своим принципам использовать одних политических противников для борьбы с другими, Византия пытается заключить со славянами военно-политический союз с целью привлечения их для военных действий против готов и персов (сведения об этом находим, в частности у Прокопия¹¹ и Агатия¹²). Но эти контакты имеют скорее эпизодический, нежели последовательный и принципиальный характер.

Отличительной чертой данного периода славянской экспансии является сезонный характер военных предприятий наступающей стороны. До 550 г. славяне ни разу не оставались в пределах империи на зиму. Во время походов они проникали далеко вглубь страны, доходили иной раз до Константинополя¹³, но с приближением осени неизменно уходили на север, за Дунай.

Переломным моментом оказалась война 550—551 г., подробно (хотя и несколько хаотично) описанная Прокопием¹⁴. Эта война знаменует конец второго и начало третьего, решающего, этапа славянского расселения. Ее отличает от предшествующих событий ряд весьма примечательных черт. Новым было, в первую очередь, то, что славяне действовали по заранее разработанному, хорошо продуманному стратегическому плану, преследовавшему далеко идущие цели. С этим связана и другая существенная особенность: война 550—551 гг. имела своей задачей освоение определенного района. Впервые зиму 550—551 гг. славяне провели в пределах империи, что отмечено Прокопием¹⁵. Потерпев неудачу под Фессалониками и будучи вынужденными отказаться от немедленного захвата Солунской области, они, однако, не ушли за Дунай, а заняли Далмацию и вместо Эгейского вышли к Адриатическому морю.

Таким образом, именно с войной 550—551 гг. можно связывать начало заселения славянами земель, расположенных к югу от Дуная, которое в конечном итоге привело к славянизации всей Иллирии и большей части Фракии. Можно утверждать, что именно в это время определились границы последующего славянского расселения на Балканах и были созданы предпосылки для его практического осуществления.

¹¹ Proc. BG, II, 27; II, 2, 26.

¹² Agath., III, 6; III, 27; IV, 20.

¹³ Дьяконов А. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв.—ВДИ, 1946, № 1.

¹⁴ Proc. BG., III, 38, 1—23; III, 40, 1—8; III, 40, 30—45.

¹⁵ Proc. BG., III, 40, 33.

После событий 550—551 гг. славянское освоение опустошенных предшествующими событиями византийских земель идет весьма активными темпами, в результате чего уже через три десятилетия славяне чувствуют себя полными хозяевами Балканских владений империи. Иоанн Эфесский писал в 80-е годы VI ст.: «В третьем году после смерти царя Юстиниана и воцарения победителя Тиверия совершил нападения проклятый народ славяне. Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на восток, по причине этого они растеклись по земле, осели на ней теперь, пока допускает их Бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой Внешней стены они захватили и все царские табуны, много тысяч [голов] и другую разную [добычу]. Вот и до сего дня (то есть, до 895 г.— М. Б.)¹⁶ они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев — люди, которые не смели [раньше] показываться из дремучих лесов и мест, защищенных деревьями, и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, то есть дротиков»¹⁷.

Сведения Иоанна подтверждаются и другими авторами: в частности церковный историк Евагрий, писавший примерно в то же время, утверждал, что славяне заняли (не прошли, а именно заняли!) «всю Элладу»¹⁸.

Славянизация северной части Балканского полуострова имела далеко идущие последствия, в значительной степени определившие судьбы всей Восточной Европы. Оценка этих последствий — несмотря на огромное количество работ, посвященных данной теме, — продолжает оставаться актуальной задачей будущих исследований.

Не подлежит сомнению, что именно славянам в раннее средневековье принадлежала роль ведущего фактора исторического развития в Восточной Европе, и что Византийская империя своим возрождением была в значительной мере обязана их расселению. Оседая в пределах империи, славяне, с одной стороны, сохраняли (по крайней мере до определенного времени) свой общественный строй, а с другой, неизбежно воспринимали многие элементы византийской культуры. Задачей исследователя в данном случае является выяснение конкретной картины: что именно было сохранено переселенцами из их общественных установлений, и что было приобретено позже, в результате колонизации. К сожалению, эта проблема, поставленная еще в начале 60-х годов, до сих пор не нашла своего разрешения.

¹⁶ 895 г. по сирийскому летоисчислению соответствует 583—584 гг.

¹⁷ Дьяконов А. Известия Иоанна Эфесского., с. 32.

¹⁸ Evag. HE, VI, 10.

Социально-экономические отношения славян, расселившихся на византийских землях, отражены в интереснейшем юридическом памятнике VIII в., условно называемом «Земледельческим законом». Об этом документе существует огромная литература, рассматривать которую в данной статье нет ни возможности, ни необходимости. Отметим только, что единого мнения о происхождении и правовом характере этого памятника до сих пор не достигнуто.

«Земледельческий закон» является подлинным сфинксом раннего византийского средневековья, ибо отраженная в нем система общественных отношений решительно не вписывается в общую канву социального развития страны. Как известно, в VII—VIII вв. н. э. (иконоборческая эпоха) Восточноримская империя завершила переход от рабовладельчества к феодализму. Между тем, в «Земледельческом законе» не отражено ни развитие рабовладельчества, ни сложившийся феодализм. В нем видны лишь зародышевые формы классового членения общества и в то же время ярко описана сельская территориальная община. В частности, в тексте отсутствует главная категория зависимых производителей, характерная для византийского общества и хорошо известная по памятникам IV—VI и IX—X вв. — парики, то есть крестьяне, работающие на чужой земле и прикрепленные к ней. Земледельцы (γεωργοί) «Земледельческого закона» представляют собою, несомненно, свободных общинников, платящих определенный налог. Их положение принципиально отличается от положения георгов, выступающих в документах доиконоборческой эпохи.

Это дает нам основание утверждать, что «Земледельческий закон» был «ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты высшей ступени варварства — и именно стадии сельской территориальной общины — марки»¹⁹. Отсюда — вывод относительно архаизации общественного строя Византии в VII—VIII вв., полной (или почти полной) ликвидацией здесь крупного землевладения, основанного на принудительном труде, господства в это время мелкого индивидуального хозяйства, возрождения общинных порядков и т. п.

Подобный вывод, как будто, подтверждается некоторым общим упадком общественной жизни — сокращением ремесла и торговли, деградацией городов, политической разрухой и т. д. «Земледельческий закон» — утверждает Е. Э. Липшиц, — очевидно, имел назначение фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в широком распространении общинных порядков»²⁰.

Однако, такое понимание исторической сути документа встречает серьезные трудности. Во-первых, в нашем распоряжении отсутствуют данные относительно официального характера памятника,

¹⁹ Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. — ВВ., 1947, т. 1, с. 161.

²⁰ Там же, с. 162.

как юридического акта. «Земледельческий закон» — произведение анонимное, точнее даже псевдонимное: ряд поздних списков содержит имя императора Юстиниана, которое (как убедительно показано исследователями)²¹ поставлено вполне произвольно, с целью придать документу больший авторитет.

На основании некоторых черт формального сходства с Эклогой — законодательным сборником царей-иконоборцев Льва III и Константина V (изданным в 20-е годы VIII в.) — принято относить «Земледельческий закон» примерно к тому же времени, но попытки приписать его тем же авторам не могут считаться удачными. Гораздо больше оснований считать памятник частной записью обычного права, выполненной каким-либо ученым юристом и не имевшей реального законодательного значения²², но официально признанной императорской администрацией²³.

Во-вторых, положения «Земледельческого закона» не вяжутся (а в ряде случаев и противоречат) установлениям других памятников византийского права — не только Юстинианова кодекса, но и более поздних документов иконоборческой эпохи (та же Эклога) или периода восстановления иконопочитания (Эклога, измененная по Прохирону).

В-третьих (и это главное), сама по себе констатация архаизации общественного строя Византии VII—VIII вв. ровным счетом ничего не объясняет. Более того, она в свою очередь требует объяснения. И пока не выяснены причины, обусловившие столь неожиданное и столь непонятное, противоречащее логике исторического развития движение вспять, ставить любые точки над «i» было бы преждевременным.

В литературе известны достаточно серьезные попытки исторически обосновать наблюдаемое явление. Наибольшего внимания, с нашей точки зрения, заслуживает концепция, предложенная русскими византинистами еще в дореволюционное время (В. Г. Васильевский²⁴, Ф. И. Успенский²⁵, А. С. Павлов²⁶ и др.) и развитая на марксистской основе советскими учеными (Е. Э. Липшиц и др.²⁷).

²¹ Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация.— В кн.: Византийский сборник. М.— Л., 1945 с. 100—101.

²² Mortreuil J. Histoire du droit byzantin, t. II, 1847, p. 395; Dölger F. Ist der Nomos Georgikos ein Gesetz des Kaiser Justinian II? МВРАР, 1945, 35, S. 18—48.

²³ Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в., М.— Л., 1961, с. 54.

²⁴ Васильевский В. Г. Законодательство иконоборцев.— В кн.: Васильевский В. Г. Труды, т. IV, Л., 1930.

²⁵ Успенский Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии.— ЖМНП, 1883, ч. 225.

²⁶ Павлов А. С. Книги законные. СПб, 1885.

²⁷ Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация; Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма; Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры; Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону».— ВВ, 1956, т. 10 и др.

Согласно этой концепции, причиной, вызвавшей архаизацию общественного строя Византийской империи в VII—VIII вв. была колонизация значительной части ее земель «варварскими» племенами, в первую очередь — славянскими. Эта мысль, безусловно, содержит глубокий смысл, так как адекватно отражает реальный исторический процесс, хорошо зафиксированный многочисленными и в большинстве своем вполне достоверными источниками.

Таким образом, если на западе, по выражению Ф. Энгельса, между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин²⁸, то на востоке, в Византии аналогичное место между георгом (колоном) и эпанографом позднеархаической Восточноримской империи V—VI вв. и париком (крепостным) IX—X вв. занимал свободный славянский общинник.

Из этого со всей убедительностью вытекает, что «Земледельческий закон» является памятником, отражающим развитие не столько собственно византийского общества, сколько славянской общины, осевшей на византийских землях и попавшей в сферу императорской юрисдикции. К сожалению, подлинное значение данного документа в этом смысле еще по достоинству не оценено славистами, упорно избегающими привлекать сведения «Земледельческого закона» в своих исследованиях. Единственным известным нам исключением является первый том «Истории Югославии», где во второй главе (написанной Ю. В. Бромлеем) некоторые положения памятника использованы для характеристики славянских переселенцев²⁹. При этом автор делает весьма характерную оговорку: «судить в целом о социально-экономических процессах, происходивших в VII—VIII вв. на этой территории (то есть, на территории современной Югославии.— М. Б.) у славян, возможно только на основе проверки и дополнения положений «Земледельческого закона» археологическими, лингвистическими и более поздними письменными материалами»³⁰.

Сам по себе призыв к комплексному использованию источников можно только приветствовать. Поэтому, следуя цитированной рекомендации, обратимся непосредственно к сравнению и проверке данных «Земледельческого закона» на основании археологических материалов эпохи славянской колонизации Балкан и показаний других письменных источников, посвященных характеристике славянских племен. Сопоставление данных приводит к выводу о том, что «Земледельческий закон» описывает общество, оставившее поздние памятники черняховской культуры и генетически связанные с ней славянские памятники третьей четверти I тыс. н. э.

Текст «Земледельческого закона» цитируем в переводе Е. Э. Липшиц, опубликованном в 1951 г.³¹ Археологические параллели, во избежание упреков в нарушении принципа синхронии, приводим на

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 154.

²⁹ История Югославии. т. 1. М., 1963, с. 36 и сл.

³⁰ Там же, с. 36.

³¹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, с. 103—108.

основании, прежде всего, комплексов VII—VIII вв., то есть того времени, к которому относится древнейшая запись «Земледельческого закона». Но каждому серьезному историку ясно, что институты, зафиксированные любым юридическим памятником, всегда имеют более древнее происхождение, так как правовое оформление конкретного социального явления несколько отстает от реальной жизни. Следовательно, постановления «Земледельческого закона» неизбежно должны отражать ситуацию, более древнюю, нежели третья четверть I тыс. н. э.

Необходимо иметь в виду и следующий момент. Когда речь идет о массовом переселении какой-либо группы племен, приходится крайне осторожно оперировать признаками, характеризующими материальные следы данной миграции. Обращаясь к памятникам, оставленным переселенцами, следует четко различать то, что было принесено ими на новые места обитания, от того, что усвоено ими в местах оседлости от местного населения либо же под влиянием местных условий жизни. Поэтому для нас будут иметь первостепенное значение материалы, происходящие из коренных славянских областей, и в первую очередь — с территории южной части Восточно-европейской равнины, занятой в середине I тыс. н. э. «бесчисленными племенами антов» (Прокопий)³².

Главным содержанием «Земледельческого закона», естественно, является сельскохозяйственное производство во всех его слагающих. Начнем с характеристики уровня данной отрасли экономики и ее технической оснащенности.

Общество, описанное «Земледельческим законом», безусловно главным образом является хлебопашеским. О полях говорится во многих статьях (1, 6, 7, 14, 15, 38, 56 и др.), причем в ряде случаев в таком контексте, который бесспорно свидетельствует, что имеется в виду хлебное поле. В трех статьях речь идет о распашке (или пахоте) земель (ст. 1, 2, 22), в трех — о севе (ст. 2, 4, 12) и в двух — о жатве (ст. 6, 78). В ст. 12 упоминаются семена, используемые для посева, в ст. 60 — колосья, а в статье 68 — зерно, хранящееся в амбаре. В ряде статей говорится о снопах (ст. 9, 10, 60), о соломе (ст. 35), о стогах (ст. 64), под которыми следует понимать стога хлеба (а не сена), так как в этой же статье упоминается гумно.

К сожалению, комментируемый документ почти не содержит сведений о возделываемых культурах; лишь статья 70 (единственная!) упоминает жито (σῖτος). Однако нет никаких оснований полагать, что речь здесь идет именно о ржи: в древности данным термином называли все культурные злаки (в том числе и пшеницу). Кроме того ст. 60 упоминает стручковые (ῥόβλις).

О том, что славянская культура I тыс. н. э. носит земледельческий характер, общеизвестно. Возделывание злаков составляло основу ее экономики; данной отрасли хозяйства была подчинена и производственная структура общества.

³² Proc. BG., IV, 4, 9.

Пашенный характер производства, описанного «Земледельческим законом», также не вызывает сомнений. Плуг специально упомянут в ст. 62. Тут же речь идет о сошнике (точнее — наральнике), который, конечно, был железным, и о ярме, удостоверяющем тягловый характер вспашки. Поскольку о лошади не вспоминается ни в одной из статей, а о быках, напротив, говорится много и в самых разных контекстах, можно не сомневаться, что именно вол использовался в качестве тягловой силы.

Славянский плуг известен очень хорошо: находки железных наральников зафиксированы во многих пунктах. Они относятся к двум типам пашенных орудий. В ранний период (первая половина I тыс. н. э.) в употреблении была простая соха с рабочим концом, поставленным наклонно по отношению к линии движения. Это орудие могло только разрыхлять, но не переворачивать верхний пласт земли. Конструктивной деталью его были узколезвийные наральники, найденные на ряде поселений³³. В середине I тыс. н. э. в Восточной Европе появился первый плуг — орудие, способное не только разрыхлять, но и переворачивать дерновой слой почвы³⁴. Это было рало с горизонтально поставленным ползуном и отвальной доской; конструктивной деталью его выступают широколезвийные наральники с «запличиками».

Древнейшие широколезвийные наральники были найдены на некоторых поздних памятниках черняховской культуры. Но главным образом в материалах не ранее VII—VIII вв. (Пастырское городище³⁵, Сахновка³⁶, Пеньковка³⁷, Плиснеск³⁸, Хотомель³⁹, Шмырево⁴⁰ и др.). Они, следовательно, синхронны расселению славянских племен на землях к югу от Дуная и времени составления «Земледельческого закона».

Само собою разумеется, что и соха и плуг славянских племен предполагали использование в процессе вспашки тягловую силу домашних животных.

Орудием уборки урожая был серп, упоминаемый «Земледельческим законом» (ст. 22). Славянские серпы тоже хорошо известны археологам; они представлены двумя типами — черешковыми (с рукоятью, поставленной параллельно плоскости лезвия) и крючковыми (с рукоятью, крепившейся перпендикулярно лезвию)⁴¹.

³³ *Брайчевский М. Б.* Біля джерел слов'янської державності, с. 30—33.

³⁴ Там же, с. 34—36.

³⁵ Древности Приднепровья. К., 1899, вып. 2, табл. V, 137.

³⁶ *Довженко В. И., Линка Н. В.* Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось.— МИА, 1959, № 70, с. 105.

³⁷ *Березовец Д. Т.* Славянские поселения в устье р. Тясьмина.— КС ИА АН УССР, 1959, вып. 8, с. 42—43.

³⁸ *Старчук І. Д.* Розкопки городища Пліснеська в 1947—48 рр. АП, 1952, т. 3, табл. I, 11—12.

³⁹ *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 94—95.

⁴⁰ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губ., произведенных Д. Я. Самоквасовым. М., 1915, с. 3—5; Атлас гочевских древностей. Приложение к дневнику раскопок. М., 1915, табл. Ia, IIa.

⁴¹ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 42—43.

К VII—VIII вв. относятся серпы из Пастырского⁴², Пеньковки⁴³, Стецовки⁴⁴, Рипнева⁴⁵ и др. Такие же точно серпы хорошо известны и в памятниках более ранней черняховской культуры⁴⁶.

Важным является вопрос об агрокультуре. Некоторые статьи «Земледельческого закона» упоминают новь, то есть только что освоенные под пашню земли (ст. 1, 2, 11). В других статьях (17 и 20) речь идет о подсеке, то есть о расчистке под пашню лесных массивов. Эти упоминания характерны для описываемой ситуации (для общества, пребывающего в состоянии движения) и непосредственно отражают процесс расселения. Нет никаких оснований видеть в них отражение подсечной системы земледелия⁴⁷. В обоих случаях речь идет о частновладельческих участках, а в одном из них — о сведении чужого леса (ст. 20).

Это обстоятельство тоже вполне отвечает картине, которую рисуют нам материалы славянской культуры VII—VIII вв., где подсечное земледелие выступает лишь как средство освоения земель, тогда как пашенное предполагало применение болсе или менее правильной севомены. Вспомним, кстати, известное место у Прокопия, где говорится о подвижности славян-земледельцев⁴⁸. Данное сообщение тоже пытались интерпретировать, как намек на подсечную систему⁴⁹. Но это мнение не подтвердилось: речь может идти только о вынужденной «подвижности» расселяющихся племен.

Наиболее важными представляются сведения о земельных отношениях и прежде всего о формах землевладения, довольно ярко освещенных в «Земледельческом законе». Описаную в нем систему аграрных отношений характеризует прежде всего господство общинной собственности на землю. Так, ст. 7 трактует споры о землевладении между двумя селами, то есть между двумя общинами. В ст. 81 пишется об общинных землях, остающихся в совместном пользовании общины. Однако обрабатываемые поля (а частично и лес), формально составлявшие собственность общины, реально распределялись между отдельными семьями и, следовательно, пребывали в частном владении.

⁴² Древности Приднепровья, 1899, вып. II, табл. IV, 84; *Брайчевский М. Ю.* Исследование Пастырского городища в 1955 г.—КСИА АН УССР, 1957, вып. 7, с. 95.

⁴³ *Березовец Д. Т.* Поселения улочей на р. Тясмине.—МИА 1963, № 108, рис. 20, 6, 9, 13—15.

⁴⁴ *Петров В. П.* Стецовка, поселение третьей четверти I тыс. н. э.—МИА, 1963, № 108, рис. 6, 6.

⁴⁵ *Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской обл.—МИА, 1963, № 108, рис. 9, 8.

⁴⁶ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 40—42.

⁴⁷ *Липищ Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 106, 110—112; *Липищ Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры, с. 59—64; *Липищ Е. Э.* Славянская община и византийский феодализм, с. 150—151.

⁴⁸ *Proc. VG.*, III, 14, 24—25.

⁴⁹ *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.—ВДИ, 1939, № 1, с. 324—325; *Мауродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 41—42 и др.

Индивидуальное хозяйство, основанное на таком наделе — «доле» (μέρος) или «жребии» (σκαρβιον), фигурируют во многих статьях (1, 2, 3, 4, 5, 6, 33, 60 и др.). Это чрезвычайно важный момент, фиксирующий совершенно определенную стадию социально-экономического развития земледельческих племен, соответствующую переходу от первобытно-общинного строя к классовому обществу.

В ст. 8, 32, 82 речь идет о разделах обрабатываемых площадей, в чем можно видеть пережиток более ранних форм земельных отношений, предусматривавших периодические переделы пахотных земель. В этом смысле интересна ст. 8, текст которой приводим полностью: «Если был произведен раздел несправедливо для некоторых в жребиях и в местоположении, пусть будет позволено аннулировать произведенный раздел»⁵⁰.

Здесь явно речь идет о переделе: слово «жребий» бесспорно означает индивидуальное хозяйство, предоставляемое во владение конкретному члену общины. Но поскольку в других статьях сказано об объектах, предполагающих длительное пользование участком (плодовые деревья, виноградники, мельницы и прочие сооружения), то следует сделать вывод, что обычай переделов уже был пройденным этапом. Перераспределению, по-видимому, подвергались поля, да и то, надо думать, не везде, не слишком часто и далеко не регулярно. Во всяком случае ст. 32 допускает посадку на полученном при разделе участка многолетних деревьев, а ст. 82 — постройку мельницы.

Земельные отношения славянских племен VII—VIII вв. хорошо известны исследователям. Они в точности соответствуют данным «Земледельческого закона». Здесь безраздельно господствовало индивидуальное хозяйство при сохранении общинной собственности на землю. Такая система земледелия существовала еще в I тыс. до н. э. Это убедительно доказано М. И. Артамоновым на основании сведений Геродота (V в. до н. э.)⁵¹. Исследователь пришел к выводу, что у населения Среднего Поднепровья в ту эпоху пахотные земли, во-первых, распределялись ежегодно между отдельными домохозяйствами, а, во-вторых, размер надела ограничивался.

На протяжении тысячелетия, отделяющего эпоху Геродота от начала славянской колонизации Балканских земель, система землевладения, естественно, претерпела существенные изменения. Переделы, очевидно, еще практиковались, как средство выравнивания хозяйственных возможностей отдельных семей, но сам обычай явно отходил в прошлое. Наряду с крупными общинными поселениями еще в середине I тыс. н. э. появлялись небольшие выселки, состоящие из нескольких дворов. Их владельцы, оставаясь членами общины, продолжая пользоваться всеми правами и выполнять

⁵⁰ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 103.

⁵¹ Артамонов М. И. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. — Учен. зап. ЛГУ (сер. истор. наук), 1947, вып. 15.

все обязанности таковых, однако, выходили из практики переделов. Они соглашались получить во владение худшие участки земли, но на условии неограниченного во времени владения. Естественно, такую тенденцию могли проявлять лишь наиболее сильные в экономическом отношении семьи.

В с. Демьянов на Поднестровье исследован такой выселок VII в., состоящий из трех домохозяйств. Он был расположен на расстоянии около 200 м от обычного общинного поселения, на противоположной стороне заболоченной балки⁵². Еще более выразительным примером может служить несколько более раннее поселение, расположенное в с. Леськи близ Черкасс⁵³. Открытый здесь двор IV—VI вв. является отличной иллюстрацией индивидуального хозяйства, описанного «Земледельческим законом».

Согласно данным памятника такая усадьба включала прежде всего жилой дом (упоминается в ст. 21, 56, 66), а также хозяйственные постройки, из числа которых в тексте названы: сарай для сена и соломы (ст. 65), амбар (ст. 68), гумно (ст. 64), ограда (ст. 66). Специальные помещения для скота не названы, но об их существовании свидетельствуют многочисленные упоминания о самом скоте, содержавшемся в подобных хозяйствах.

Леськовский двор состоял из следующих сооружений: большого дома, разделенного на четыре комнаты (одну большую, общую, и три маленьких); сарая или амбара для хранения сена и соломы, а может быть и зерна; погреба для припасов; трех помещений для скотины (одного большого для крупных животных и двух маленьких типа курятника и свинушника); двух производственных помещений и мусорной ямы. Ограда археологически не документирована, но более чем вероятно.

Особого внимания заслуживают мельницы, применявшиеся для размола зерна. В «Земледельческом законе» они упомянуты трижды (ст. 81, 82, 83). Археологически мельничные сооружения славянской культуры исследовались неоднократно. Подобные объекты VII—VIII вв. или находки отдельных жерновов зафиксированы на городищах Пастырское (полуземлянка № 16)⁵⁴, Новотроицкое (роменская культура VIII—IX вв.)⁵⁵, в Стецовке⁵⁶ и в других местах. Интересны комплексы черняховского времени, носившие промышленный характер, то есть обслуживавшие не только индивидуальное хозяйство, а более широкую клиентуру⁵⁷. Эти комплексы дали основание Б. А. Рыбакову говорить о применении в

⁵² Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. К., 1972, с. 161—166.

⁵³ Брайчевская А. Т., Брайчевский М. Ю. Раскопки в с. Леськах близ Черкасс — КСИА АН УССР, 1959, вып. 8; Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю. Черняховское поселение в с. Леськи близ г. Черкасы.— МИА, 1967, № 139.

⁵⁴ Брайчевский М. Ю. Исследование Пастырского городища в 1955 г., с. 96.

⁵⁵ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74, с. 214.

⁵⁶ Петров В. П. Стецовка, с. 212, 218 и др.

⁵⁷ Брайчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 79—83.

них рабского труда⁵⁸. Иногда мельницы размещались в жилищах либо были конструктивно связаны с ними, иногда же представляли собой специальные постройки.

Здесь имеется, однако, серьезный вопрос, покуда не находящий окончательного решения в наличном материале. Известные нам славянские мельницы I тыс. н. э. работали с применением мускульной силы человека или животных. Между тем «Земледельческий закон» (по крайней мере в ст. 83) имеет в виду водяные мельницы.

Как известно, первые установки такого рода появились еще в Римской империи, но широкого применения не получили. Подлинное распространение водяных мельниц приходится на эпоху средневековья, в частности, раннего. Были ли они известны славянским племенам на их коренной территории? Исключить положительный ответ на данный вопрос невозможно, хотя реальных данных для его обоснования покуда не видим. Не исключено, однако, что славянские переселенцы впервые познакомились с этим нововведением уже на новых землях своего обитания (то есть в пределах империи) и быстро оценили его преимущества.

Наряду с хлебопашеством, составлявшим главную отрасль хозяйства, в обществе, описанном «Земледельческим законом», широко практиковалось виноградарство и садоводство. Виноградники упоминаются в ст. 13, 21, 25, 38, 50, 51, 58, 59, 61, 79, 80, 85, а в ст. 69 и 70 речь идет о вине. Такое количество упоминаний, однако, свидетельствует не о каком-то особо высоком удельном весе данной отрасли в общей системе производства, а о том, что виноградники в большей степени, нежели поля привлекали внимание правонарушителей и чаще становились предметом правовых конфликтов. Дело не только в том, что виноград обещал большую прибыль, чем зерно, но и в том, что ущерб, причиненный лозам, наносил несравненно бóльший урон владельцу, нежели обычная поправа поля или огорода.

Сады упоминаются в ст. 31, 33, 50, 51. Какие деревья выращивались в них, остается не разъясненным; только один раз названы смоквы — плоды экзотического для славян дерева, произрастающего в теплом климате, а потому не знакомом славянам на родине.

Из числа инструментов, применявшихся в виноградарстве и садоводстве, упомянут только садовый нож (ст. 22). Но не подлежит сомнению, что в данной отрасли хозяйства применялись также заступ и мотыга, названные, как земледельческие орудия (ст. 22).

О виноградарстве и садоводстве славянской культуры известно гораздо меньше, чем о полевом земледелии, но существование и того и другого не подлежит сомнению⁵⁹. Инструменты, о которых идет речь известны археологически. Заступ («лыскарь») был дере-

⁵⁸ Выступление Б. А. Рыбакова при обсуждении доклада И. С. Винокура на заседании славянской секции Пленума ИА АН СССР в апреле 1961 г.; *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 288—289; *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен, с. 45—47.

⁵⁹ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 50—52.

вянным, но имел железные оковки рабочих краев. Последние встречены еще в материалах черняховской эпохи⁶⁰. На одном из поселений (Неслуховское) найден также поперечный набалдашник от рукояти заступа⁶¹. Хорошо известны и железные мотыги (Пастырское городище⁶², Пеньковка⁶³ и др.).

Не вполне ясно, что подразумевается под названием «садового ножа», и чем он отличается от обычных ножей, представляющих собою одну из наиболее распространенных и многочисленных категорий находок. Весьма вероятно, что он имел изогнутое лезвие. В таком случае археологическим прототипом ему является одна из моделей различных инструментов, прикрепленных к знаменитой цепи из Силадь-Шомлио, датированной серединой I тыс. н. э.⁶⁴. Не исключено, что маленькие серпы из находок в Пеньковке⁶⁵, Рипневе⁶⁶, а также из некоторых более ранних комплексов (Делаке⁶⁷ и др.) в действительности были садовыми ножами.

Большое место в постановлениях «Земледельческого закона» занимает животноводство. Слово «бык» — одно из наиболее употребляемых в данном памятнике: оно встречается в ст. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 48, 50, 51, 85. И это, конечно, не случайно: бык служил не только источником пищи, но и основной тягловой силой. Просто скот или домашние животные (без указания вида) упоминаются в ст. 34, 36, 39, 40, 47, 51, 71, 72, 73, 74, 79. Из прочих пород (помимо крупного рогатого скота) в тексте названы: осел (ст. 36, 38, 39, 41, 43, 51), овца и баран (ст. 38, 45, 49), свинья (ст. 45, 49, 52, 54) и собака (ст. 49, 52, 54, 55, 75, 76, 77). Последняя упоминается так часто потому, что была сторожевым животным и помощником пастуха. О собаках, охраняющих стада, пишется в ст. 55 и 75. Обращает внимание отсутствие козы, но, по-видимому, этот вид домашнего животного в юридическом отношении приравнивался к овце.

Существование стад у славян VII—VIII вв. подтверждается археологическими материалами — костными остатками, неизменно встречающимися в большом количестве при раскопках поселений⁶⁸. Первое место среди них принадлежит костям быка; следующие — свинье и мелкому рогатому скоту. Кости ослы в памятниках второй половины I тыс. не встречены ни разу, но зато они зафиксированы в комплексах черняховской культуры (Иванковцы

⁶⁰ Там же, с. 50—51.

⁶¹ Там же.

⁶² Древности Приднепровья, 1899, вып. 2, табл. III, 132.

⁶³ Березовец Д. Т. Поселения улицей на р. Тясмине, рис. 20, 1, 3.

⁶⁴ *Hampel I.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, B. 3, Braunschweig, 1905, Taf. 14.

⁶⁵ Березовец Д. Т. Поселения улицей на р. Тясмине, рис. 20, 6, 13.

⁶⁶ Аулих В. В. Славянское поселение у с. Рипнева, рис. 9, 8.

⁶⁷ Рикман Э. А. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, 1959, вып. 77, с. 117.

⁶⁸ Брайтчевский М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 61—64; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 139.

и Черепин)⁶⁹. Значение этих находок трудно переоценить — они бесспорно свидетельствуют о том, что осел был известен славянскими племенам. Само собой разумеется, что расселившись на византийских землях, где осел издавна служил главным транспортным средством, славяне охотно стали разводить это неприхотливое и выносливое животное.

По-видимому, осел заменил у переселенцев коня (ни разу не упомянутого в «Земледельческом законе»). В Византии лошадь была принадлежностью всадника, на которого действие комментируемого документа не распространялось. Между тем, в материалах славянской культуры кости коня по численности занимают четвертое место (после быка, свиньи и мелкого рогатого скота).

Костные остатки собаки встречаются неизменно, иногда в большом количестве. В общем балансе им принадлежит пятое место. К сожалению, до сих пор исследователи не уделяли им того внимания, которого они, судя по данным «Земледельческого закона», заслуживают.

Скотоводство славянских племен носило приселищный характер⁷⁰. Таким описывает его и «Земледельческий закон». Выпас был общинным и осуществлялся под присмотром специального общинного пастуха (*ἀγέλαριος*). Последний называется в ст. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29. О социальном положении его речь будет идти ниже. Животные, составлявшие стадо, бесспорно находились в частной собственности отдельных хозяев, что хорошо отражено практически во всех перечисленных выше статьях: в них пастух, в качестве юридического лица, текстуально противопоставлен хозяину скотины.

Заслуживает внимания упоминание колокольчика, подвешиваемого к шее животного (быка или овцы) — тронки или калатала (ст. 30). Находки таких колокольчиков известны в памятниках черняховской культуры (Леськи, Компанийцы и др.)⁷¹.

В производственном отношении скотоводство имело два аспекта — с одной стороны домашний скот был тягловой силой, а с другой — источником питания. И если функция осла по преимуществу лежала в первой сфере, а свиньи — исключительно во второй, то бык играл существенную роль и в том и в другом отношении. Заметим, что в «Земледельческом законе» (ст. 34) отмечено наличие молочного скота и молочного производства. В археологических материалах славянской культуры известны обломки сосудов с дырочками в стенках, служившие для изготовления сыра из молока.

Охота и прочие промыслы не отражены в «Земледельческом законе». Лишь ст. 52 упоминает западни, но без уточнения, где и на кого они ставились. Из прочих производственных процессов от-

⁶⁹ Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 62; Баран В. Д. Поселення перших століть н. е. біля с. Черепин. К., 1961, с. 79.

⁷⁰ Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності, с. 64—65.

⁷¹ Там же, с. 67.

мечена только рубка леса (ст. 20, 22, 39, 40 и др.). В ст. 22 и 40 упоминается топор, как главное орудие в данном трудовом процессе. Находки железных топоров неоднократно фиксированы в памятниках VII—VIII вв. (Пастырское городище⁷², Новотроицкое⁷³, Пеньковка⁷⁴ и др.), а также и более ранних⁷⁵. Ремесло полностью оказалось за пределами внимания составителей «Земледельческого закона».

Итак, совокупность данных о состоянии и уровне сельскохозяйственного производства, извлекаемых из постановлений «Земледельческого закона» и представленных в археологических материалах славянской культуры VII—VIII вв. (и более ранней), оказывается идентичным по всем основным показателям. В то же время приведенная характеристика существенно отличается от развития сельского хозяйства в Византии по другим источникам. Это давно отмечено исследователями. Е. Э. Липшиц, в частности, подчеркивает «отсутствие в «Земледельческом законе» каких-либо упоминаний о той сравнительно высоко рационализированной интенсивной обработке почвы, которая применялась в Греции и Риме в античную эпоху, и частично отразилась в византийской сельскохозяйственной энциклопедии, так называемой «Георониса»⁷⁶.

Это исключительно важный момент. Речь, как видим, идет не о деталях и мелочах, а о самой сути описываемого явления — об уровне общественного развития, отраженного документом. «Земледельческий закон» — утверждает Е. Э. Липшиц в другом месте, — имеет с варварскими «Правдами» сходство, гораздо более поражающее, чем со сборниками римского и римско-византийского права (имеется в виду Кодекс Юстиниана и Эклога — М. Б.)»⁷⁷.

Таким образом, речь идет не о византийской деревне, а о какой-то другой (варварской) существующей на территории Византии.

В то же время исследователи констатируют и существенные отличия хозяйственной системы, описанной «Земледельческим законом», от сельскохозяйственной практики, свойственной населению Балканского полуострова и Малой Азии. Способ пастьбы скота на участках возделанной земли после снятия урожая, описанный в «Земледельческом законе», замечает Е. Э. Липшиц, не имеет ничего общего с системой, характерной для полукочевых, главным образом скотоводческих хозяйств, малоазийских и балканских горцев⁷⁸.

⁷² Древности Приднепровья, 1899, вып. 2, табл. V, 131, 133, 134, 136; *Брайчевский М. Ю.* Исследование Пастырского городища в 1955 г., с. 95.

⁷³ *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое, табл. LXXXIX.

⁷⁴ *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине, рис. 20, 4, 7.

⁷⁵ *Брайчевский М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 174—177.

⁷⁶ *Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 112.

⁷⁷ *Липшиц Е. Э.* Славянская община и византийский феодализм, с. 154.

⁷⁸ *Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 116.

Лишь материалы, характеризующие хозяйственное развитие антских и склавинских племен, дают достаточно полную и вполне адекватную аналогию данным «Земледельческого закона».

Архаичности системы сельскохозяйственного производства, описанной комментируемым памятником, соответствует и относительная архаичность общественного строя описываемых там же племен. Этот строй имеет бесспорные аналогии среди материалов славянской культуры, отражающих переломную стадию в общественном развитии наших предков на пути к феодализму. К сожалению, археологические материалы дают сведения о данной стороне исторического развития не столь полные и не столь непосредственные как в области материального производства. Это, вполне закономерно, ибо сами по себе общественные отношения не находят материального воплощения, способного оставить в земле осязаемые остатки. Приходится оперировать косвенными данными, последовательно выверяя их показаниями письменных источников, безусловно относящимися к славянам. В настоящее время в этом достигнуты значительные успехи, в результате чего общественный строй антских и склавинских племен предстает перед нами в более или менее законченном виде.

Выше уже отмечалось, что главной социальной ячейкой древнеславянского общества была сельская община, переживавшая стадию глубокого разложения. В результате развития земельных отношений (главным образом частного землевладения) намечается глубокая имущественная и социальная дифференциация, в конечном итоге приведшая к созданию классовой структуры.

Имущественное неравенство отражено в археологических материалах более явно и наглядно: богатые и бедные погребения, развитие ювелирного искусства, переживающего в VI—VIII вв. неслыханный до того подъем, большое число кладов (в том числе и весьма богатых), находки ключей от дверных запоров и т. д.— все это дает исследователю солидный материал для решения поставленной задачи.

Гораздо сложнее обстоит дело с социальным расслоением. Но тут на помощь историку приходят данные письменных источников, о которых упоминалось выше.

«Земледельческий закон» описывает общество, по существу еще не знающее классового деления в собственном смысле слова. Речь может идти лишь о зародышевых формах, о классах в потенции либо же в процессе формирования. Это — чрезвычайно важный момент, исключающий памятник из общего ряда византийских источников эпохи окончательного оформления феодальной империи.

Главной фигурой «Земледельческого закона» выступает лично свободный общинник — владелец индивидуального хозяйства, платящий налог в пользу общины и государства. «Закон» называет два термина для обозначения этого общинника: «земледелец» (γεωργός) и хозяин (κύριος). Оба термина применяются примерно одинаково и выступают в качестве взаимозаменяемых. Смысловой

нюанс, по-видимому, имеет функциональный характер. Термин «георг» подчеркивает производственный момент (занятие), термин «кир» — момент господства над землей и материальными ценностями (социальный статус). В этом смысле важна ст. 17, текст которой приводим полностью: «Если земледелец [γεωργός] войдет и возделает поросшую землю другого земледельца [γεωργός], то три года будет пользоваться ее плодами, затем отдаст ее хозяину [κύριος] ее»⁷⁹.

Как видим, здесь одно и то же лицо названо в одном случае «георгом», а во втором — «киром». В первом контексте оно выступает рядовым членом общины, так же, как и ответчик; во втором подчеркивается факт владения. Характерно, что закон отдает преимущество трудовому моменту перед моментом собственности.

Столь же существенно и то, что оба термина — и георг и кир — никак не связаны с имущественным состоянием обозначаемых ими лиц. Как убедимся далее, «хозяин» может оказаться неимушим, что, по-видимому, не влияет на его принадлежность к данной социальной категории.

Но наряду со свободным общинником в «Земледельческом законе» фигурирует ряд лиц, социальное положение которых является ущербным и представляет различные стадии закабаления. Это: рабы, апоры, издольщики, мортиты, наемные работники, вербуемые из числа свободных, но неимущих лиц. С другой стороны, в двух статьях (9 и 10) выступает «земледелец» — лицо претендующее на роль эксплуататора, присвоителя нетрудового дохода, то есть чужого труда.

О рабах (δούλοι) говорится в ст. 45, 46, 47, 71, 72. Особых комментариев эта социальная группа, по-видимому, не требует, так как ее статус вполне понятен и не вызывает каких-либо вопросов. Речь идет о лицах, не пользующихся защитой закона. Ответственность за их преступления несет господин, который по собственному усмотрению назначает им наказание (ст. 45, 47, 72). Любопытна ст. 72, в которой говорится следующее: если кто-либо доверит рабу скотину без ведома рабовладельца и с этой скотиной что-то случится, то ни раб ни его господин не несут никакой ответственности. Этим снимается сама возможность обращения с рабом, как с юридическим лицом: тот, кто пойдет на сделку с ним и в результате понесет ущерб, признается виновным в собственной беде и не может претендовать на какую-либо компенсацию.

О рабстве у антов и склавинов написано много и возвращаться к обсуждению данного вопроса считаем излишним. Византийские авторы VI—VIII вв. часто пишут о захвате славянами военнопленных с целью их превращения в рабов⁸⁰. По данным Прокония, например, число уводимых в рабство невольников исчисля-

⁷⁹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 104.

⁸⁰ Proc. BG., III, 13, 29, 38, 40; IV, 25; Proc. An., XXIII, 6—7; Theoph. Sim., I, 75; VII, 2, 2—3.

лось десятками и даже сотнями тысяч⁸¹. Имеются сведения о наличии у антов и склавинов работорговли⁸².

Часть рабов угонялась победителями домой, на родину, часть продавалась на сторону или же отпускалась за выкуп на волю. Но не подлежит сомнению, что с начала расселения славян на византийских землях множество военнопленных удерживалось колонистами и использовались ими в своем хозяйстве.

Изучение археологических материалов славянской культуры в свою очередь позволяет говорить о выразительных элементах рабовладельчества в древнеславянской экономике, о чем частично говорилось выше. Некоторые отрасли производства определенно предполагают использование принудительного рабского труда (мельницы, горнорудные разработки, строительство масштабных оборонительных сооружений и пр.).

Еще более интересными являются социальные процессы, приводившие к обезземеливанию и обнищанию части общинников, попадавших в экономическую (а далее и социальную) зависимость от своих более удачливых соседей. Этот процесс приводил к возникновению отношений уже не рабовладельческого, а социального порядка. Последствия его убедительно отражены «Земледельческим законом».

В ряде статей выступает особая категория лиц — «неимущий» ('αλορος, 'αλορφος), то есть крестьянин, лишенный средств производства в степени, исключавшей возможность ведения собственного хозяйства (ст. 13, 14, 18). Показательна формулировка ст. 18: «Если не имеющий средств для обработки своего поля земледелец бежал... и т. д.»⁸³. Здесь экономическая суть явления отражена вполне ясно: речь идет об общиннике, сохраняющем свою сословную принадлежность («георга» или «кира»), но разорившегося настолько, что владение наделом (следовательно и обязанность платить налог) становится для него невозможным.

Уделом апоров были два пути: издольщина, представляющая собой прямую дорогу к феодальной кабале, или наемный труд. «Земледельческий закон» фиксирует и то и другое. Издольщина в нем выступает в двух принципиально разных формах: испольтщины и морты. Остановимся на обеих подробнее.

Испольтщине посвящено пять статей (11, 12, 13, 14, 15); в двух из них идет речь о пашне, в одной о винограднике. Но особенно важны статьи 11, 12 и 14, из которых явствует, что апор выступает хозяином отдаваемого в испольтщину участка. Это исключительно интересное явление, показывающее, с одной стороны, крепость общинной системы, а с другой — чрезвычайную сложность процесса социального расслоения. Речь, следовательно, идет об особой категории лиц, которые еще не лишились своего земель-

⁸¹ Proc. An., XVIII, 20—21.

⁸² Proc. BG., III, 14, 14—19.

⁸³ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 104.

ного надела («доля» или «жребий» «Земледельческого закона», очевидно, представляли собой неотчуждаемые владения), но уже не имеют средств для его нормальной эксплуатации (техники, тягла, рабочих рук и т. д.). Эти обедневшие (но еще полноправные!) общинники вынуждены были отдавать свои участки на кабальных условиях (за половину урожая) богатым соседям. Работали, естественно, не богачи. Здесь видим совершенно бесспорные зародышевые формы феодальной коммандации, как одного из путей возникновения классического феодализма.

Другую категорию образуют мортиты (десятинщики). Это — лица, работающие на своего господина за определенную часть урожая на его земле. О них речь идет в статьях 9 и 10. Первая запрещает земледельцу-мортиту убирать урожай без ведома господина, вторая устанавливает размер ренты, получаемой землевладельцем (девять снопов работнику и один сноп господину — норма эксплуатации, как видим, сравнительно мягкая).

В этих статьях встречается чрезвычайно интересный термин «земледавец» (*χωροδότης*), вообще не характерный для византийской документалистики (тем более — для литературы). Вряд ли речь идет о церковном землевладении (как предполагают некоторые исследователи)⁸⁴ — хотя статья 10 заканчивается необычной для «Земледельческого закона» сакральной формулой: «разделивший иначе да будет проклят Богом». Это единственная статья, упоминающая о потусторонней силе; правда, нет уверенности, что имеется в виду Бог христианский. Скорее всего, комментируемые статьи фиксируют отношения, близкие по характеру феодальной ренте, и утверждают неравноправность участвующих в них сторон.

В обеих статьях отсутствует малейший намек на какое-либо соглашение между мортитом и земледавцем (подобное тому, которое упоминают статьи, посвященные исполщине или наемному труду). Следовательно, явление, о котором идет речь, порождалось не какими-либо специальными актами в каждом конкретном случае, а представляло собою постоянный (и само собою разумеющийся) социальный институт.

Кто ж такие мортиты, какова их классовая природа? Прежде всего вряд ли можно сомневаться, что речь идет об обезземельных крестьянах, ибо имеющий землю не станет по доброй воле работать за часть урожая. Конечно, возможно предположить, что имеются в виду общинники, потерявшие надел. Но сведения, содержащиеся в статьях, посвященных исполщине, говорят о том, что система общинного землепользования, описанная в «Земледельческом законе», стремилась как-то оградить своих членов от полной пауперизации. Отсюда вывод, что правдоподобнее говорить о лицах, вообще не входящих в систему разделов и не могущих претендовать на получение официального надела (чужестранцы, вчерашние рабы и т. д.). Это — явный зародыш прекария.

⁸⁴ *Липшиц Е. Э.* Византийское крестьянство и славянская колонизация, с. 124—126; *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры, с. 71—72.

Наемный труд становился реальной перспективой, когда крестьянин вообще лишался каких бы то ни было средств для существования. О наемниках идет речь в разных статьях, посвященных различным ситуациям и сферам приложения наемного труда. Ст. 16 посвящена лицу, взявшемуся обрабатывать чужое поле или виноградник. В ст. 25 говорится о заработной плате пастуха. Из этого следует, что пастухи, о которых речь идет в ст. 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, скорее всего тоже работали по найму. В ст. 38 речь о садовом стороже, также получающем заработную плату и т. д.

Специальный интерес представляет ст. 34. В ней (единственный раз!) упоминается термин «мистот» в отношении пастуха (ποῖτον μισθός).

Слово «мистот» известно в собственно византийских памятниках и означает лично свободных, но экономически неполноправных лиц, обязанных обрабатывать землю и платить налоги⁸⁵. Это значит, что такой земледелец оказывается фактически прикрепленным к земле, хотя владелец участка (пекулия) не имел права в полной мере распоряжаться личной судьбой работника. Наряду с мистотами-крестьянами, были также мистоты-ремесленники и представители других профессий,— разумеется, с соответствующими поправками на условия труда.

Важным моментом византийского законодательства («Книга Эпарха») является, в частности, утвержденное право мистота работать по найму, заключая с хозяином соответствующий договор⁸⁶, то есть признание его юридическим лицом. В ст. 34 «Земледельческого закона» также говорится о плате мистоту. Но с другой стороны, та же «Книга Эпарха» допускает куплю и продажу мистота (исключая, правда, из числа покупателей иностранцев и варваров)⁸⁷. Вполне очевидно, что в данном случае речь идет об определенной форме феодальной зависимости в ее раннем проявлении.

Сведения о том, что у славян VII—VIII вв. существовала определенная форма зависимости, отличная от рабской, содержится в «Стратегиконе» Псевдомаврикия. Здесь читаем: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во-свояси или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей»⁸⁸.

Это, не вполне вразумительно изложенное место неоднократно комментировалось в литературе⁸⁹. Совершенно ясно, что «положение свободных и друзей», о котором говорит источник, не озна-

⁸⁵ Cod. Just., XI, 47, 19.

⁸⁶ Книга Эпарха. М., 1962, VI, 2; VIII, 10; VIII, 12.

⁸⁷ Книга Эпарха, VIII, 7.

⁸⁸ Pseud. Strateg., XI, 5.

⁸⁹ Довженко В. И. Про дофеодальний період в історії Русі.— Археологія, 1952, т. 6, с. 25—26; Брайчевський М. Ю. Антський період в історії східних слов'ян.— Археологія, 1952, т. 7, с. 37—38; Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, с. 343.

чало полной свободы и социальной полноправности,— иначе вчерашний раб был бы волен идти, куда угодно, в том числе и на родину, для чего однако требовался выкуп. Следовательно, речь идет о какой-то иной форме зависимости, более мягкой по сравнению с рабовладельчеством, не исключавшей определенной экономической самостоятельности, но ограничивавшей личную свободу.

Как неоднократно отмечалось, разгадку данного сообщения скорее всего можно видеть в характеристике Корнелием Тацитом положения рабов у древних германцев в начале новой эры. «Рабов они,— пишет историк,— используют, впрочем, не так, как мы: они не держат их при себе и не распределяют между ними обязанностей; каждый из них самостоятельно распоряжается на своем участке и у себя в семье. Господин облагает его, как если бы он был колоном, установленной мерой зерна или овец и свиней, или одежды, и только в этом состоят отправляемые рабом повинности»⁹⁰.

Думается, приведенная цитата вполне точно определяет сущность «положения друзей и свободных» Псевдомаврикия и морты «Земледельческого закона». Это уже зарождение феодальных отношений, еще далеких от завершенной формы, но вполне уверенно утверждающихся в качестве наиболее прогрессивной тенденции.

Славянская община, оседавшая на византийских землях, неизбежно должна была вступать в какие-то взаимоотношения с императорской администрацией. Здесь мы не будем рассматривать вопрос о социальной природе Антского и Склавинского союзов племен, как об определенной стадии сложного процесса возникновения государственной организации. По этому вопросу мы неоднократно высказывались в литературе⁹¹,— полагаем, все сказанное прежде и в настоящее время вполне сохраняет свое значение. С нашей точки зрения оба союза безусловно представляли собою политические образования государственного типа, несущие в себе все необходимые признаки политической надстройки.

Тем более справедливо это в отношении объединений, возникших на развалинах Антского и Склавинского союзов, разрушенных в VI—VII вв. аварским нашествием. Речь идет о так называемом государстве Само у западных славян (склавинов) и начальной Руси («Руси в узком значении слова»⁹²) у восточных славян

⁹⁰ Тас. Germ., 25.

⁹¹ *Брайчевський М. Ю.* Антський період, с. 38—40; *Брайчевский М. Ю.* Основные вопросы археологического изучения антов.— Докл. VI научн. конф. Инст. археол. К., 1953, с. 73; *Брайчевський М. Ю.* Біля джерел слов'янської державності, с. 304—321.

⁹² *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— СЭ, 1947, т. 6—7; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 28—46; *Рыбаков Б. А.* Древние руссы.— СА, 1953, с. 17.

(антов). Сам факт существования таких крупных объединений предполагает систему взаимоотношений между формирующейся социальной элитой, сосредоточивавшей в своих руках публичную власть, и широкими массами подданных, в роли которых выступали рядовые члены общины. Эти отношения включили прежде всего налоговую систему, призванную обеспечить новоявленную государственную власть необходимыми материальными средствами, и определенные формы политического господства.

Существенной чертой любого «варварского» государства, однако, является то, что между публичной властью и подданными всегда стоит община, которая в силу свойственной ей круговой поруки выполняет роль своеобразного буфера между обоими социально-политическими полюсами.

Аналогичная картина должна была установиться в Подунавье и на Балканах в результате славянской колонизации византийских земель. Конечно, историческая суть явления менялась. Юрисдикция славянских «варварских» государств типа Антского союза или ранней Руси на византийские владения не распространялась. Оседая на имперских землях, славянские переселенцы попадали под протекторат Константинопольского двора и местных, фемных властей (стратигов). Естественно, этот процесс мог развиваться на определенных условиях, которые в общих чертах хорошо известны исследователям. Константин Багрянородный называет следующие пункты обязательств, которые византийская администрация налагала на «варваров»: 1) признавать архонтов, назначаемых начальником фемы; 2) отбывать военную службу (в случае необходимости) и 3) платить установленные налоги⁹³.

Нужно отдать справедливость византийской администрации: она довольно быстро оценила возможности и выгоды, открывавшиеся в связи со славянской колонизацией. Широкий приток переселенцев способствовал поднятию демографического потенциала северо-западных провинций. В эпоху великого переселения народов огромные площади пригодных для обработки земель оставались заброшенными и не давали империи тех доходов, которые могли бы дать при нормальной эксплуатации. Города лежали в руинах и требовались немалые экономические усилия для их возрождения. Для того, чтобы оживить хозяйственную жизнь страны требовались, прежде всего, свежие трудовые ресурсы.

Поэтому византийская администрация вскоре после начала славянской колонизации перешла от политики сопротивления и конфронтации к тактике всеобщего содействия и привлечения все больших и больших масс переселенцев. Более того, она стремится создать славянские колонии в глубинных районах империи — на Пелопонесе, в Малой Азии и т. д., — о чем имеются вполне достоверные свидетельства⁹⁴.

⁹³ Const. Porph. AI., 217.

⁹⁴ Брайчевский М. Ю. К истории расселения славян, с. 133—134.

Мудрость такой политики не замедлила сказаться: в отличие от Западноримской империи, попытавшейся противостоять «варварскому» нашествию и сметенной им, Византия не только устояла, но, пройдя через глубочайшие потрясения VIII в. к началу IX в. вступила в полосу экономического, политического и культурного подъема. Не даром Ш. Диль называет период с 867 по 1025 гг. «периодом несравненного величия» Византийской империи, новым золотым веком⁹⁵.

Но как и на коренных славянских землях, в пределах империи между государством и аппаратом и конкретным георгом-переселенцем стояла община. Более того, сложные условия массовой колонизации чужих территорий, весьма вероятно, подчеркивали ее значение, как формы социальной структуры. Действительно, переселенцы, выходя из-под юрисдикции складывавшейся славянской государственности, могли рассчитывать только на свои силы и свои организационные возможности. Поэтому обстановка, в которой осуществлялось расселение, усиливала и трансформировала роль общины, вследствие чего у славян в Подунавье и на Балканах в VII—VIII вв. она могла оказаться даже большей, нежели за пределами империи.

В ст. 18 и 19 «Земледельческого закона» отражены взаимоотношения между крестьянским миром и государственной властью. Первая из этих статей гласит: «Если не имеющий средств для обработки своего поля земледелец бежал и ушел в чужие края, то пусть ответственные перед казной за подати собирают плоды, и не имеет права возвратившийся назад земледелец взыскивать с них что-либо»⁹⁶. Вторая имеет аналогичное содержание — с тем лишь отличием, что трактует о казенных экстраординарных налогах.

Обе статьи раскрывают не только сущность комментируемых отношений, но и их механизм. Как видим, ответственной за фискальные сборы оказывается община, а не конкретный производитель. Последний несет обязанности только по отношению к общине; его исчезновение не влияет на экономические функции общины — приходящуюся на его долю часть податей вынуждены платить другие.

Здесь вскрывается еще один момент, немаловажный для понимания генезиса древнеславянского феодализма. В свое время К. Маркс писал о земельных отношениях, издревле существовавших в Дунайских провинциях: «Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины, как свободная частная собственность, другая часть — *ager publicus* [общинное поле] — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие военных, цер-

⁹⁵ Диль Ш. История византийской империи. М., 1948, с. 71, 89 и др.

⁹⁶ Сборник документов по социально-экономической истории Византии, с. 104.

ковных и других общинных расходов. С течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на похитителей общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения...»⁹⁷.

К. Маркс подчеркивает, что эта форма общинной собственности была отлична от славянской⁹⁸. Для последней общинное поле (*ager publicus*) не было характерно. Общие расходы тут покрывались регулярными взносами индивидуальных хозяев. В определенных условиях такая система земельных отношений могла быть источником и прототипом феодальной ренты,— но не отработочной, а продуктовой⁹⁹. Именно ее имеет в виду «Земледельческий закон», говоря о податях в пользу казны.

В условиях славянской колонизации византийских земель к обычно регламентированым общественным потребностям (о которых писал К. Маркс в цитированном отрывке) добавлялись сборы на уплату государственных налогов. Но можно не сомневаться, что общинная верхушка, привыкшая пользоваться преимуществами своего положения, не упускала столь благоприятного случая для личного обогащения, и что значительная часть собираемой продукции «прилипала» к ее рукам, способствуя тем самым углублению имущественного и социального неравенства.

Но вместе с тем следует констатировать еще одну сторону, не менее важную. Ограничивая взаимоотношения с переселенцами налоговой и военной сферой, византийская администрация избегала вмешиваться во внутреннюю жизнь славянской общины и тем более — навязывать ей существовавшие к тому времени в империи общественные институты. Этому способствовало фемное устройство, утвердившееся в VI в. Тем самым община предохранялась от ускоренного разрушения и разложения, получивши возможность самостоятельно и быстрыми темпами пройти путь от высшей стадии первобытно-общинного строя к феодализму. Именно это и вызвало к жизни памятники, подобные «Земледельческому закону».

Итак, славяне, колонизовавшие балканские владения Византии, действительно принесли с собой более архаичный общественный уклад, чем существовавший здесь до VI в. И это имело существенное значение для дальнейшего развития империи. Отсюда — общее впечатление архаизации, отмеченное исследователями.

Однако, вряд ли было бы правильно говорить об архаизации социального строя Византии в полном и прямом смысле этого слова. Славянская колонизация охватила, разумеется, не всю тер-

⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 249.

⁹⁸ Там же, с. 249.

⁹⁹ Довженко В. И. Про дофеодалний період в історії Русі, с. 15; Довженко В. И. Характерні риси феодализму в Київській Русі.— УІЖ, 1970, № 12, с. 38—39 и др.

риторию империи, а лишь ее северо-западную периферию. К тому же существование общины отнюдь не противоречило условиям не только раннего, но и развитого феодализма. Подобная многоукладность является характерной чертой едва ли не всякой формации, основанной на эксплуатации человека человеком¹⁰⁰. Поэтому можно полагать, что в византийской деревне VII—VIII вв. (а возможно и позже) существовал своеобразный дуализм общественных отношений, имевший в значительной мере пространственное значение.

¹⁰⁰ Шапов Я. Н. О социально-экономических укладах в древней Руси XI—первой половины XII в.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.